

МОЙ СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

НАДЕЖДА УСАЧЕВА

Надежда Усачева
Мой Советский союз

«Автор»

2025

Усачева Н. Н.

Мой Советский союз / Н. Н. Усачева — «Автор», 2025

Сто лет назад, 30 декабря 1922 года, был образован Союз Советских Социалистических Республик. В новое государственное образование входили: Российская Федерация, Украина, Белоруссия и Закавказская республика. 25 декабря 1991 года СССР прекратил своё существование. Республики стали самостоятельными, независимыми государствами. Всё большее число лет отделяет нас от страны под названием СССР. Но споров и ностальгических разговоров о ней не становится меньше. Как не становится меньше и мифов о стране Советов. Однако дружба и взаимопонимание народов, декларированные КПСС, несмотря на все сложности и проблемы, не были только пропагандой и мифом. Мне, много путешествовавшей и побывавшей во всех Советских республиках в 70-80-е годы, неоднократно доводилось убеждаться в этом.

© Усачева Н. Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1. Семья	5
Часть 2. Мой Советский Союз	16
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Надежда Усачева

Мой Советский союз

Сыну Андрею, внукам Александру и Максиму посвящаяю.

Часть 1. Семья

Я родилась в послевоенном 1947 году в Киргизии. Эта маленькая красивая горная страна была одной из пятнадцати республик Советского Союза. Меня, приехавшую из Киргизии и уже 15 лет живущую в России, часто спрашивают, как я там оказалась. Об этом мой рассказ.

Мой папа родом из Самарской губернии. В 1921-м семья переехала из голодного Поволжья на Алтай. Поселились в Горно-Алтайске. Папе было 7 лет. Вскоре мать умерла, отец женился сразу же. Родился ещё один ребёнок. Старший сын не только мачехе, но и отцу был не нужен. Жил как мог. А в середине 30-х годов поехал в Среднюю Азию, где по слухам было тепло, искать лучшей жизни. Уже после войны папины родственники и наша семья стали общаться, в гости ездить, мы на Алтай, а они к нам в Киргизию. Папин отец, наш дедушка, воевал в Первую мировую войну и в Гражданскую. Часто вспоминал, как воевал в начале 20-х годов, командовал отрядом в Чапаевской дивизии. Любил ходить в школы, общаться с пионерией, рассказывать о Чапаеве. Его охотно приглашали.

Мамины предки были донскими казаками. Переехали они в Сибирь на освоение новых земель перед Первой мировой войной. Обосновались в той части Сибири, которая после 1924 года (после размежевания Туркестана) стала Кокчетавской областью Казахстана. Мама, будучи девчонкой, «пугалась, когда из степи на лохматых лошадях приезжали киргизцы (так в те годы называли казахов) купить в лобазе соль, муку, другие продукты».

Переселенцам в большинстве случаев приходилось всё начинать с нуля, строиться в чистом поле. Но эти сильные, волевые, трудолюбивые люди преодолевали все трудности и становились крепкими, зажиточными хозяевами.

Мамин отец умер, когда ей не было и 5 лет, мать умерла в 1932 году на вокзале в городе Ленинграде, куда она с 16-ти летней дочкой, моей мамой, поехала за лучшей долей, но в пути заболела. Деревенская девочка осталась на вокзале огромного города одна без документов, вещей и денег. Всё это в вокзальной суматохе было украдено. Умершую маму увезли, а она осталась одна, сидела и плакала. Её «подобрала» сердобольная женщина, привела к себе, устроила работать на овощную базу. Больше года мама проработала на этой овощной базе. Писала запросы в далёкое Лобаново, надеясь получить какие-нибудь справки. Всё напрасно. И её, беспаспортную, выслали из Ленинграда. В селе Лобаново родных уже не было. Двух маминных тёток раскулачили, всё нажитое: дом, постройки, скотину, продовольственные и фуражные запасы, вещи – всё отобрали. Одну семью сослали неизвестно куда, а вторую куда-то в Среднюю Азию. И отправилась она искать сосланных в Среднюю Азию родственников. В поезде мама познакомилась с двумя сёстрами, которые со своими мужьями ехали в Киргизию. Сёстры, Луша и Мария, расспрашивали её, куда едет, почему одна. А когда узнали её историю, стали уговаривать ехать с ними: «Где же ты будешь искать свою тётеньку Натальку? Поехали с нами». Мама согласилась, и на долгие годы сёстры стали для мамы добрыми друзьями, почти родственниками. Они помогли ей устроиться на работу, устроиться с жильём, и, немного позже, выдали её замуж. Сёстры сказали: «Николай хочет жениться на тебе. Хороший, работающий парень. Выходи за него, не пожалеешь». Папа работал на строительстве водопровода. Вода в Средней Азии всегда была важнейшим ресурсом. Земледелие поливное. Без воды ничего не вырастит. Да и для питья, для домашних нужд вода необходима. Прежде, до строительства

водопровода, воду брали из речек, из арыков. Но речки и арыки к середине лета мелели, пересыхали, да и вода в них была мутная, глинистая. Так что работа у папы была не только нужная, но и почётная.

И мама послушалась, вышла замуж за папу и никогда не жалела об этом.

Мама устроилась работать на лубзавод (лубяной завод). На заводе перерабатывали коноплю. Вокруг посёлка все поля были засеяны коноплём. В те годы эта техническая культура была очень востребована. Убранную с полей коноплю долго вымачивали в специально вырытых для этой цели огромных водоёмах. Из стеблей конопли изготавливали пеньку – прядильное волокно. А из него верёвки, мешковину. Из семян конопли выжимали конопляное масло. Масло было ароматное, густое, очень вкусное, особенно, если им полить квашеную капусту. В качестве же лёгкого наркотика коноплю ещё не знали и не употребляли.

В Иссыккульской и Таласской долинах Киргизии с 70-х годов 19 века выращивали опийный мак, называли его лекарственным маком. Принесли мак беженцы из Китая – дунгане – китайские мусульмане, вместе с семенами риса и острых овощей (лук, чеснок, редька, морковь, перец). Переходили из Китая в киргизский Тянь-Шань по узким, скалистым тропам в высоких горах. Многие не выдержали перехода, но те, кто преодолел путь, семена сберегли. Картины цветущего мака – огромные поля крупных белых или красных (алых) маков – впечатляли. Называли опийный мак ещё и золотым цветком. В Китайской экономике опийный мак занимал значительное место. Во второй половине 19 века китайцы пережили 2 опиумные войны с Британией и Францией за сохранение торговли опиумом.

В Киргизии, начиная с 70-х годов 19 века и до конца 30-х годов века 20-го, также процветала контрабандная торговля опиумом. Через ущелье Жеты-Огуз, мимо красных причудливых скал по узким извилистым тропкам проходили караваны с тюками опия-сырца. Известный киргизский режиссёр Болот Шамшиев в 1971 году снял яркий, увлекательный боевик по повести «Контрабандисты Тянь-Шаня» Александра Сытина о становлении советской власти в Киргизии и борьбе с контрабандистами, тайно переплавляющими через границу опий.

С 1974 года по решению ООН опийный мак в Киргизии перестали выращивать.

Что касается конопли, то в 70–80-е годы 20 века интерес к конопле проявился с невероятной силой. В мае месяце начинает цвести конопля-анаша, и именно в эти дни приступают к сбору её цвета те, кто специально отправлялся за этим зельем в Чуйские степи. С тех пор Чуйская долина печально известна своей коноплём. Это уже только дико растущая конопля. В промышленных целях её уже давно не выращивают.

Мама и папа

Папа всю свою жизнь работал сначала на строительстве, потом на эксплуатации водопроводной системы.

В послевоенные годы был построен не только водопровод, но и система каналов для орошения полей. После окончания строительства водопровода папу назначили мастером. В обязанности мастера входил контроль и обеспечение бесперебойной работы 20-ти километровых ветки водопровода. А обеспечивали эту безаварийность рабочие, каждый в своём посёлке. У папы был необходимый для работы транспорт, чтобы объезжать участок: конь, телега, а позже и двухместная коляска.

Мне было лет 12, папа впервые посадил меня верхом на коня. После работы коня надо было отвести на конюшню, где-то с полкилометра от нашего дома. Я садилась на коня и скакала на зависть мальчишкам. Через посёлок протекал оросительный канал Усман. В нём я купала нашего Быстролёта. Потом заводила в конюшню. Папа поощрял мои конные прогулки.

Жизнь налаживалась. В 1939 году родился первый ребёнок, мальчик, но прожил всего три месяца и умер.

22 июня 1941 года началась Великая Отечественная война. Страна готовилась к ней. А люди надеялись, что обойдётся. Об этом дне мне рассказывала мама.

В тот день люди собрались у сельсовета, ждали каких-либо сообщений и делились соображениями, как долго продлится война: до холодов, месяца два. Старик Суцев, ему было за 90 лет, когда его спросили, задумчиво, медленно сказал: «Да нет, сыночки, война будет до весны 45-го года. И победит красный конь. Время пройдёт и снова будет война, и тогда уж победит белый конь». Не помню, как реагировали тогда люди на это предсказание, но я никак (мне было 16 лет, когда мама это рассказывала) понять не могла, как же

это «белый конь» может победить. Советский Союз казался нерушимым, мощным, вечным. Но, как время показало, всему приходит конец.

Кстати, в 1989 году (я тогда работала начальником делопроизводственного отдела на крупном заводе) у нас проходило всесоюзное совещание директоров заводов сельхозмашиностроения. В это же время наш новый перспективный пресподборщик (машина для прессования сена и соломы, спрос на него был огромен) передали Белорусскому заводу. До позднего вечера подписывались, заверялись, оформлялись соответствующие документы. А в заводской столовой гудел банкет. Всем было весело уже, когда я пришла. Меня пригласили за свой стол москвичи и стали допытываться, почему я не весела, «из-за машины что ли?» Я сказала, что не понимаю, почему это случилось, почему разработанную нашими инженерами и получившую высокую оценку специалистов животноводческого комплекса машину, у нас забрали. И услышала: «Не сегодня-завтра Союз распадётся, и огромная Россия останется без пресподборщиков». Но забрала то не Россия, а Белоруссия. «Мы, славяне, всегда договоримся!» Меня как обухом по голове: Союз распадётся?! До настоящего распада было ещё два с половиной года. Но я тогда сказала: «Договоритесь? Ой, ли!»

Жизнь показала, что «Ой, ли» не только с Украиной, но и Беларусью. В Белоруссии всё больше утверждается понимание, что белорусы не славяне. Они литвины, и их история – это история Великого княжества Литовского, а не древней Руси, не Российского государства. И их великие предки не российские князья и бояре, а князь Радзивилл. В 2012 году, отдыхая в Белорусском санатории, я прочла об этом в нескольких исторических книгах современных белорусских авторов.

Показательная история случилась с нами по прибытии на вокзал в Минск в 5 часов утра. Микроавтобус должен был забрать нас в 8 часов и отвезти в санаторий. То есть, ждать надо было 3 часа. Предварительно был оплачен проезд от железнодорожного вокзала до санатория в размере 300 рублей. Нас было четверо. Местные таксисты настойчиво предлагали нам свои услуги за 800 рублей с каждого. Убеждали, что никто за нами не придет. Мы вежливо отказывались. Но других пассажиров не было и нас не оставляли в покое. Наконец, потеряв терпение, я твёрдо, но вежливо объяснила, что мы никуда с ними не поедем. И услышала в ответ: «У, москали вредные!» Я весело и громко засмеялась: «Мы же ещё и вредные!» Микроавтобус пришел за нами в 8 часов, и мы спокойно уехали в санаторий.

Августовское ГКЧП 1991 года застало меня с сыном Андреем на отдыхе в пансионате на Иссык-Куле. У меня сразу мелькнула мысль: «Белый конь побеждает?» С Иссык-Куля поехали к маме, и я с порога: «Что, мама, белый конь победил?» Она не удивилась, не переспросила, немного помолчав, сказала: «Выходит, что так...»

В декабре 91-го мы ещё не поняли до конца, что случилось. Я это поняла 6 марта 1992 года. Президент Киргизии Аскар Акаев пригласил в Овальный зал Президентского дворца около 70-ти «лучших женщин Киргизии» на торжественное собрание и последующий праздничный ужин по случаю Международного женского дня. Я была среди них. Русских женщин было всего трое. Все присутствующие говорили, или пытались, потому что не все могли говорить, по-киргизски. Только Акаев произнёс речь на русском и киргизском

языках. Русским женщинам выдали наушники для синхронного перевода, но в них стоял такой шум, что ничего нельзя было понять.

Директор завода, отправляя меня на это мероприятие, сказал, чтобы я обязательно выступила. Я так и сделала, удивив всех присутствующих. Это было не просто удивление, это был шок, потому что я начала так: «Уважаемый господин Президент, Ваше превосходительство, уважаемая госпожа супруга Президента!» Все присутствующие ещё вчера и даже утром были «товарищи» и вдруг! Моё выступление в течение недели транслировали на киргизских телеканалах. Но самое главное, в этот день вся киргизская элита праздновала независимость и суверенитет страны. 2 марта был подписан Президентский указ о новой государственной киргизской символике: флаге и гимне. И в советское время всё это было, но теперь это была символика суверенного государства. Потом, в 2005 и 2010 годах, были так называемые революции, нищета подавляющей части народа, безработица, страх. Но в марте 1992 года в глазах киргизской элиты были слёзы счастья, и казалось, что всё сложится успешно, всё будет хорошо.

По-настоящему стало страшно 10 мая 1993 года, когда Киргизия одной из первых ввела национальную валюту – сом. С 11 мая в магазинах можно было расплачиваться только сомами, рубли уже не принимали. С введением национальной валюты разрыв Киргизии и России стал очевидным и окончательным. Советского Союза не стало. А мы, русские, превратились в национальное меньшинство. Согласно переписи 1989 года в Киргизской ССР проживало 3 миллиона жителей, из них почти миллион русские. Русские и русскоязычные (а таких было очень много: узбеки, украинцы, татары, немцы, евреи, греки, выходцы с Кавказа) начали активно уезжать из Киргизии в 1990 году, во время и особенно после событий на юге республики. В Оше и Узгене случился жёсткий и жестокий конфликт между киргизами и узбеками. На большом участке земли узбеки многие годы выращивали хлопок. Но этот участок был выделен киргизским семьям под жилую застройку. Налицо конфликт интересов, который никто не сумел предвидеть и предотвратить. Это было страшное лето. Всё было в цвету, солнце, зелень, пение птиц и в нескольких сотнях километров от нас льётся кровь. Я много раз бывала в Оше, древнем, солнечном, хлебосольном городе, а теперь там поселилась беда.

Всё лето действовал комендантский час. Несмотря на то, что конфликт не касался русскоязычных жителей севера Киргизии, опасения были. Ко мне подходили молодые мужчины киргизы и говорили, что ни меня, ни моего сына никто не тронет, не обидит. Почти каждый вечер, пока всё не успокоилось, заходил к нам сосед Женишбек. Вроде бы просто так, но я понимала, что он хочет поддержать меня, успокоить. И тоже говорил, что мне нечего бояться. Я спросила у него, почему мне нечего бояться и услышала в ответ: «А все помнят ваше выступление на конференции, вас уважают».

Год назад, в мае 1989 года, молодые киргизы, заместители начальников цехов и отделов, инициировали проведение конференции о переводе всего делопроизводства на заводе с русского на киргизский язык. Это сделать было очень сложно, так как технической, производственной терминологии в киргизском языке просто нет. Можно было бы начать с изучения киргизского языка. Шла конференция как-то вяло. Выступления были не интересные, кто-то был за переход на киргизский язык, но в основном против. Конференция затягивалась, а я что-то плохо себя чувствовала. И уйти

нельзя. Тогда я попросила слова: «О чём мы спорим? Учить киргизский язык нужно... Я вот смотрю на рынке, пожилая киргизка, явно не грамотная, говорит по-русски и по-киргизски, мальчишки в моём дворе говорят на двух языках. А я, умная, образованная женщина (тут зал взорвался смехом и овациями, я растерялась на миг, не понимая, почему смеются и продолжила) мне стыдно, что я всю жизнь прожила в Киргизии, родилась здесь, и не знаю киргизского языка». Уходила со сцены под аплодисменты.

Каждому человеку важно чувствовать, что его самого, его язык, обычаи и традиции его народа уважают и с пониманием к нему относятся. Люди в зале это почувствовали.

Ещё одна история с киргизским языком случилась много позже, в середине сентября 2006 года. Я уже 10-й год преподавала в Бишкекской финансово-экономической академии на кафедре туризма. Председатель приёмной комиссии докладывал на Учёном совете о результатах работы. И в заключении сказал, что в этом году многие абитуриенты, ставшие студентами, выражали желание учиться на киргизском языке. Сидевшая рядом со мной преподаватель английского языка Татьяна Ивановна резко спросила: «Что значит на киргизском языке? А если я не знаю киргизского языка?» В зале повисла тяжёлая пауза. И в этой тишине я сказала: «Татьяна Ивановна, но молодые люди имеют право учиться на своём родном языке, тем более, что это государственный язык страны, где мы с вами живём». Татьяна Ивановна обернулась ко мне со словами: «Вам хорошо говорить, вы пенсионерка». Я улыбнулась: «Но нам-то с вами никто не мешает говорить на нашем родном языке!»

В Киргизской республике киргизский язык является государственным, а русский – официальным. Русский язык также является языком межнационального общения.

В середине июля 1941 года папа ушёл на фронт, а 20 августа родилась моя старшая сестра Лида. Дочку свою папа увидел только в 1943 году, когда его привезли раненого в госпиталь. Располагался госпиталь в 3-х километрах от нашего посёлка, в большом русском селе Дон-Арык. Маме сообщили, и она каждый день после работы, пристроив дочку, бежала в госпиталь к раненому мужу навестить, покормить, чем-то помочь. А ещё огород, его не бросишь, зарастёт всё, погибнет. Да и дочка при плохом питании, при плохом уходе в детских яслях часто болела. Папа пролежал в госпитале полтора месяца. Простреляно было лёгкое, осколок застрял в лёгком, и рана не заживала, становилось всё хуже. Главврач госпиталя сказал, чтобы мама забирала его домой, лучше не будет, пусть хоть дома умрёт. И повезла его мама не бричке по тряской дороге между кукурузными полями. Навстречу киргиз на лошади. Остановился, всмотрелся, узнал папу: «Усачёв? Что с ним?» Мама сказала, что лёгкое простреляно, осколок, плохо всё. Всадник ускакал, а на другой день приехал и привёз барсука. Сказал, чтобы кормила едой, приготовленной на барсучьем жире и мясе. И папа поднялся. И прожил ещё 20 лет. Правда, рана совсем не заживала. Осенью и весной открывалась, из раны сочилась сукровица.

После войны лубзавод ликвидировали. На его месте построили детский дом: школу, спальные корпуса, столовую, баню, подсобные помещения и клуб. Слишком много было детей-сирот после войны.

В марте 1953 года наш клуб был траурно убран. Внутри меня мама не пускала, но я знала, что умер Сталин. Все вокруг плакали, и мне казалось, что Сталина хоронят в нашем клубе.

Интересно, что у этого посёлка никогда не было собственного названия. Сначала назывался лубзавод, потом детдом, (через 10 лет его перевели в другое место), а в 1957 году на его месте открыли интернат. В нём жили дети, имеющие родителей, хотя бы одного, но по

разным обстоятельствам не имеющие возможности самим растить и воспитывать своих детей. Учителя и воспитатели для работы с детьми подбирались основательно, по строгому конкурсу. Назывался посёлок Интернат, и до сих пор так называется.

Весной 46-го года вернулся с японского фронта муж маминной сестры. Привёз много подарков. Одарил и нас. Из трёх кусков настоящего японского шёлка мама позже сшила мне три наряда. Так у меня появились три платья и три шапочки: синего, белого и алого цвета. Папа приезжал с работы и просил маму нарядить меня. Брал на руки и шёл со мной гулять.

5 октября 1949 года родилась моя младшая сестра Вера. А в 5 лет Вера заболела двухсторонним воспалением лёгких. Каждые 3 часа, даже ночью, приходил фельдшер, делал уколы. Как-то папа приехал вечером с работы и привёз Вере куклу. Очень красивую и, вероятно, очень дорогую. Она пищала «мама» и закрывала глаза. Но Вера кукле была не рада. Она её отодвинула и сказала: «Отдайте Наде». Я заплакала, мне было жалко Веру и поэтому совсем не хотелось брать в руки её куклу. Где и как купил эту куклу наш папа, неизвестно. Но у него тяжело болела дочка, и её надо было спасать. И таким способом тоже.

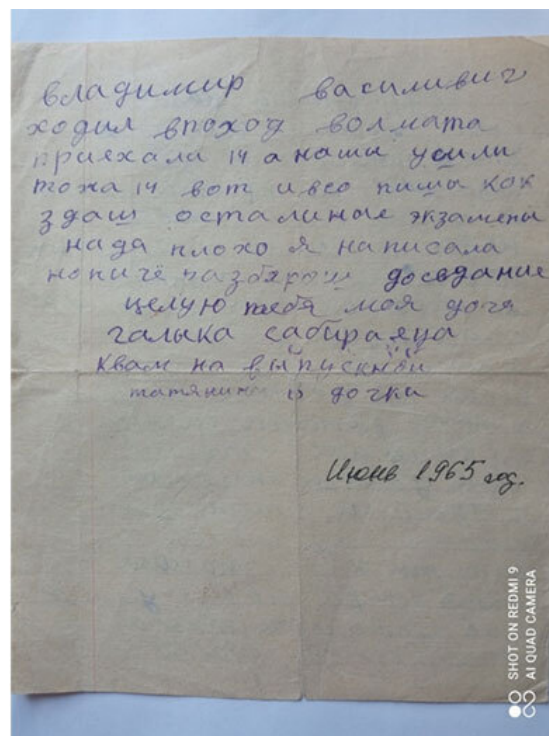
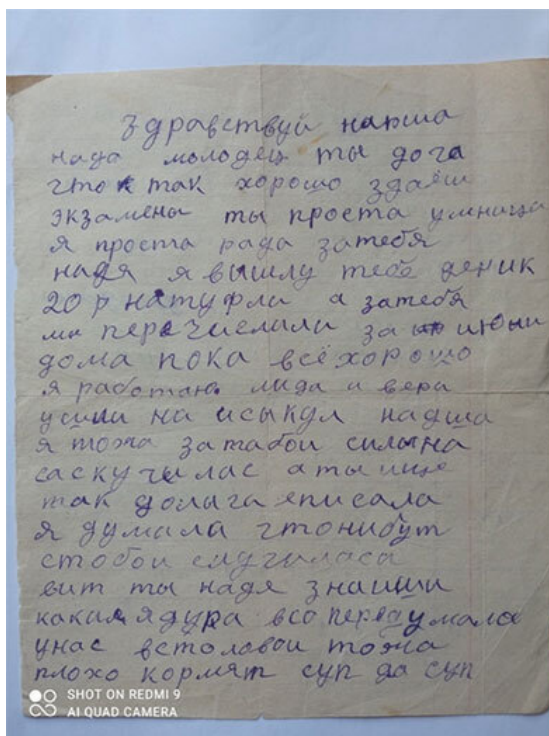

Три сестры

У нас были хорошие родители, добрые, любящие, заботливые. Дом наш был открытый, гостей встречать и угощать родители любили. Если случались неожиданные гости, мама ставила на плиту большую сковороду (мне она казалась огромной), резала свиное сало на ломтики, раскладывала на раскалённую сковороду и заливала яйцами. И сало и яйца были свои. Я до сих пор помню вкус той яичницы-глазуньи. Летом на стол ставились керамические миски со свежими, со своего огорода, овощами, салатами, зимой с соленьями. Их мама с папой и с нашей детской помощью заготавливали в большом количестве. Особенно любили мочёные яблоки и арбузы. Народ в то время жил не богато, но как-то по-доброму, дружно. Двери на замок закрывались редко, только если хозяева уезжали надолго. Обычно же, уходя из дому, в щелочку вставляли палочку – понятно было, что хозяев нет дома.

Папа часто болел. К тому же, в силу сиротского детства получить хорошее образование наши родители не смогли. У папы было начальное образование, то есть 4 класса, а у мамы и вовсе только ликбез. Программа ликвидации безграмотности предусматривала умение читать, писать и считать. Мама написала мне единственное письмо, когда я училась в интернате в 11 классе. В нём много ошибок, но в каждой корявой букве, выведенной неуверенной маминой рукой, столько любви и заботы! Я и сейчас не могу читать это письмо без слёз.

Читать книги им было сложно, но слушать они любили. Я часто читала сначала папе, а позже и маме. Она что-нибудь делала по дому, а я читала ей Марка Твена, Александра Беляева, да много кого.

Осенью в 1954 году, случилось необычное событие. На северо-западной стороне неба вечером вдруг появилась огромных размеров комета с гигантским хвостом. Она тревожила, пугала, восхищала. После смерти Сталина отношения Советского Союза и Китая стали ухудшаться. И её появление люди сочли грозным предзнаменованием, предвестником новой войны. По вечерам мы все, и дети, и взрослые, подолгу смотрели на это небесное тело. Комета висела на небе недели две, а потом исчезла. Но тревога жила в людях ещё очень долго.

Мне было 13 лет, когда в наш сельский магазин привезли китайский товар. В то время китайские вещи были очень качественными, высоко ценились. Помню потрясающе красивую кофточку, пушистую, нежно зелёного цвета, с перламутровыми пуговицами. Продащица тётя Дуся крикнула мне: «Надюшка, беги, встречай папу, он купит тебе кофту». Мама и Лида были против такой покупки: «Мала ещё!» Но папа сказал маме «купи» и моей радости не было предела! А Лиде папа объяснил: «Был бы твой размер, купили бы тебе. Ты уже взрослая, выйдешь замуж, будут у тебя дети и у них будет много красивых вещей». И ещё он дал Лиде деньги на ручные часы, чем окончательно успокоил её. Лидиной дочке Алёне было 6 лет, когда я привезла ей из поездки по городам Кавказа, из Еревана, небесно голубое кримпленовое платье. Такого не было ни у Лиды, ни у меня самой. Алёна вертелась перед зеркалом, любуясь собой и новым платьем. А мама наша, качая головой и, видимо, вспоминая ту давнюю историю, проговорила: «Прав был ваш отец, прав». Папа и мама были мудрыми людьми, знающими и понимающими жизнь.

Бабушек-дедушек у нас не было. С нами по соседству жили старик со старухой. Фамилия у них была Ткаченко. Бабушку все звали Ткаченчиха. Их внуки и дети жили далеко, поэтому она с нами возилась. Угощала чем-нибудь вкусным, учила со мной и Верой стихи к Рождественским праздникам. Один из них я помню до сих пор:

*Я маленькая девочка, розовая веточка.
К вам пришла Христа прославить и вас поздравить.
Здравствуйте хозяин с хозяйшккой,
С Рождеством, с Христовым праздником!*

Рассказывала она нам библейские легенды. В одной из них говорилось, что всё небо и вся земля будут затянуты паутиной. Как и какой именно паутиной не уточняла. В конце двадцатого века весь мир оплела паутина Интернет, EdNet и других прочих Net. Может быть, именно об этом говорилось. И ещё одна легенда запомнилась: настанет время и на Земле не будет воды. Матери с детьми особенно будут страдать. Будут бродить в поисках воды и не находить её. Люди не будут рады золоту.

У нас из водопроводного крана текла чистейшая, холодная и очень вкусная вода. Горная родниковая. И её было много. Невозможно было в эту легенду поверить. Но, кажется, сбывается. Воды не хватает. Впервые я с этим столкнулась в 1972 году, когда ездила в отпуск в Одессу. Вода в этом городе жуткая. Пить её нельзя, но пили, потому что другой не было.

Ещё Пушкин, описывая путешествие Онегина, отмечал это:

*Однако в сей Одессе влажной
Ещё есть недостаток важный:
Чего б выдумали? – воды.*

Не знаю, как сейчас, но ещё в конце 90-х проблема питьевой воды была острой. Вода по-прежнему была не пригодна для питья.

Впечатление от рассказанных нам, детям, библейских легенд было настолько сильным, что с тех пор я всегда закрывала краны, везде, где видела, что из них зря бежала вода.

В том же 72-м году мама, Лида и её трёхлетние дети двойняшки Алёна и Витя ездили в гости к родственникам в Донбасс. Мама с Лидой видели, как жители Донбасса страдали без

хорошей питьевой воды. Её привозили в цистернах. Воду из водопровода использовали только для хозяйственных нужд. Украинские родственники приезжали к нам в Киргизию в гости. С удовольствием, со вкусом пили нашу родниковую воду, приговаривая: «Христова водичка. Да как же вы её так просто льёте?» Этой «Христовой водичкой» мы и посуду мыли, и стирали бельё, и пол мыли.

Мамины родственники нашлись случайно. В 1962 году в гости к нашим соседям приехала родственница из Ташкента. В нашем маленьком посёлке был обычай летними вечерами устраивать посиделки на большом крыльце одного дома. А тут ещё и повод: новый человек, интересные рассказы. Внимательнее всех слушала гостью моя мама, а гостья рассказывала о друзьях семьи, о старенькой тётеньке Наталье. Мама осторожно спросила, есть ли у неё дети Миша и Вера. Оказалось есть. Так и нашлись родственники в Среднеазиатском Ташкенте. А потом и в Украинском Донбассе.

Жили мы долгое время в бараке из самана (необожжённого глинобитного кирпича) с земляными полами. Этот пол каждый день подметали веником, а в субботу мазали глиняным раствором. Наверное, поэтому моим любимым праздником была Троица. Папа привозил целый ворох чистойшей ароматной горной травы, цветов и веток берёзы. Всем этим мы украшали наш дом. Травой застилали пол. И целую неделю не надо было его мести, а в субботу мазать. В отдельную квартиру с деревянными полами мы переехали только в конце лета 1962 года.

А весной 1963 года папе стало совсем плохо. 22 апреля, в мой день рождения, он приехал ко мне. Я тогда училась в 9-м классе в селе Старая Покровка. Мне родители снимали квартиру. Папа сказал, что мне нужно купить подарок. И мы отправились в магазин. В то время магазинов было мало, находились они далеко друг от друга. А транспорта практически не было. Всё пешком. В магазинах шаром покати. Ходили часа три. Наконец, нашли шёлковую ткань. Купили мне на платье. Папа говорит: «20 августа у Лиды день рождения, давай и ей купим». Купили и ей. Купили и Вере.

Вернулись ко мне на квартиру, напились чаю. И тут папа сказал, что у него направление на госпитализацию в больницу. И с этим направлением он столько времени ходил по магазинам!

Я его проводила. Из больницы он уже не вышел. Он, солдат самой страшной войны, не дожил 7 лет до того дня, когда 9 мая стал праздником, днём Великой Победы.

Я жила недалеко от больницы. Каждое утро забегала узнать, как он. И после школы приходила, меняла кислородные подушки, сама кислород из огромного баллона научилась набирать, читала ему, он любил слушать. Мы много разговаривали. Уходила, когда на ночь закрывались входные двери больницы. 8 июня в последний учебный день немного побывала с ним и уехала домой. А в воскресенье 9 июня папа умер. Мама была рядом с ним. Папа умер, когда меня закончили школьные занятия, и мне надо было уезжать домой. Это поразительно. Он чувствовал, что из больницы не выйдет.

Папу «достала» война. Киргизы в селе Дон-Арык, где папа лежал в госпитале, а ещё до войны проводил туда водопровод, помнили папу много лет спустя. После армии в 1990 году мой племянник Виктор работал водителем на КамАЗе. Привёз щебень в Дон-Арык, пока разгружали, разговорился с местными аксакалами и они, узнав, что он внук Усачёва, очень тепло вспоминали нашего папу. Память о нём жива. А Витя испытал чувство гордости за своего деда. Рассказывал, и голос у него дрожал. Вроде бы и не сентиментальный парень. Пробрало!

Моя мама

Мама пережила папу на 36 лет. Замуж больше не выходила, хотя и предлагали ей. Мама была красивая женщина. Как-то сразу очень изменилась, замкнулась, петь перестала. А была такая певунья, голос звучный, красивый был.

Папа очень хотел, чтобы его дочери стали образованными людьми, состоялись в профессии и в личной жизни.

Я окончила школу, институт. И всю свою жизнь училась, работала и снова училась. Вырастила сына. Растёт внук. Прожила интересную жизнь, так как хотел папа.

Часть 2. Мой Советский Союз

Путешествовать я любила с детства. Ещё в школу не ходила, когда к нам, жившим в Киргизии, приехали родственники из России. Папа, «в рамках культурной программы», повёз нас всех сначала в горное ущелье (до этого высокие заснеженные горы я видела с расстояния 20-ти километров), а потом к башне Бурана за 3 км. от нашего посёлка. Папа рассказал нам древнюю легенду о том, что на верху высоченной башни в маленькой комнатке жила принцесса. Родители, хан и ханша, спасали её от предсказанного смертельного укуса каракурта. Башню строили быстро, кирпичи изготавливали там же. При постройке использовались не только добротные кирпичи, но и не качественные, «недожиг» и «пережиг», не только целые, но и куски. Правильно изготовленные кирпичи очень прочные. Минарету Бурана больше тысячи лет. Учёные считают, что он возведён был в начале 11 века. Разрушалась башня частично от времени, а частью разбиралась местными жителями на личное строительство. Вокруг башни валялись обломки кирпича и изредка целые. Один такой кирпич мы взяли с собой. Кирпич был очень прочным, разбить его было невозможно, пытались даже с помощью молотка и топора. Когда эксперимент был закончен, мама отмыла кирпич, обдала его кипятком и потом использовала как гнёт при засолке капусты на зиму.

Современный вид башни Бурана после реставрационных работ в середине 70-х годов XX века

Именно тогда я полюбила горы и путешествия.

Известно, ещё Семёнов-Тян-Шанский об этом говорил, что существует два вида горной болезни. Первый – человек, однажды побывавший в горах, «заболевает» ими на всю жизнь; второй вид – более прозаический. Большая высота, нехватка кислорода, головокружение, перебои в работе сердца. Такого человека надо немедленно отправлять вниз. А кто легко проходит акклиматизацию, тот может заболеть только первым видом горной болезни.

Горной болезнью я никогда не страдала. Только однажды, когда первый раз приехала на перевал Торугарт, где стоит пограничная застава на границе Киргизии и Китая на высоте почти 4000 метров над уровнем моря. У меня было ощущение слабости и ватных ног. Трудно сделать

даже несколько шагов. В следующие посещения такого уже не было. Высоту я уже не ощущала. Высокие горы приняли меня.

На пятом курсе института я окончила курсы экскурсоводов. Путешествия стали не только моей любовью, но и профессией.

*Мне в отчем доме всё легко и мило,
Так почему ж какой-то срок пройдёт
И некая неведомая сила
Меня опять в дорогу позовёт.
Нас журавли заманивают в странствия,
В любви мы объясняем ветрам,
Нас вечно ждут любимые на станциях
И вечно нас ревнуют к поездам.*

Меня приняли на работу во Фрунзенское бюро путешествий. Я понимала, что увидеть, исходить если не весь мир, то многое в Советском Союзе можно пока молода. Пока есть силы и желание.

«В молодости – увы! – далеко не все «и жить торопятся и чувствовать спешат». . . именно в ранние годы будущее представляется неисчерпаемым богатством, которым тебе предстоит распорядиться – не сегодня, так завтра или через год, через много лет. Время-де не волк, в лес не убежит. А оно только и норовит сбежать от нерадивого хозяина в непроходимые дебри упущенных возможностей. И не ссылайся на силу обстоятельств».

В 1969 году на экранах кинотеатров шёл фильм «Бриллиантовая рука». Главные герои путешествовали на теплоходе по Средиземному морю. Круиз стал моей мечтой. Я понимала, что стоит он не дёшево. Чтобы узнать, сколько именно, я отправилась в Акционерное общество «Интурист». Вошла в один из кабинетов и спросила, сколько стоит круиз по Средиземному морю. Ответ меня огорошил: «Девочка, ты откуда свалилась? Какой круиз? Кто тебе его продаст?». Я что-то ещё стала говорить, выяснять, но мне громко и чётко сказали: «Иди отсюда». Я ушла, не понимая, почему не могу купить путёвку и поехать, ведь в Бюро путешествий приходят люди и покупают путёвки. Так эта моя мечта и осталась не осуществлённой. Первый раз я выехала за пределы не существующего к этому времени Советского Союза только в 2000 году.

Работать экскурсоводом мне хотелось, несмотря на то, что я была очень застенчива, робела. Но пересиливала себя. Много читала, работала над экскурсионным материалом. Важно было не только прочесть и запомнить, но и увидеть, о чём читала. Прочла очерк о Фрунзенской зообазе и захотела увидеть, как содержатся в неволе ядовитые змеи. Позвонила, спросила, могу ли прийти к ним. В зообазе практиковали коллективные экскурсии для школьников, но мне удалось договориться об индивидуальном посещении. В комнате, куда меня завели, стоял острый запах влажной змеиной кожи, слышно было предостерегающее шипение. В клетках-террариумах лежали смертельно ядовитые змеи: эфа, гюрза, кобра, гадюка. Был день сбора яда, его берут один раз в месяц. И мне позволили увидеть всю процедуру. Специальным крючком змею цепляют и несут в операционную, там кладут на стол и мгновенно захватывают шею пинцетом. Голову слегка зажимают, массируют, и из открытой змеиной пасти в подставленную чашку брызжет яд. Лаборантка-техник по извлечению яда рассказала мне, что зубы змеи изнутри полые, каждый зуб работает, как шприц. Яд змея впрыскивает под большим давлением. Выдоенную змею уносят обратно в террариум, потом тащат следующую. Интересно,

что змеиный организм сразу же начинает вырабатывать новую порцию яда, самое драгоценное на земле вещество.

Накопленный экскурсионный материал позволял чувствовать себя во время экскурсии более уверенно. Особенно любила экскурсии на озеро Иссык-Куль. Необычайная красота природы, множество сказаний и легенд позволяли вести экскурсию интересно. Много запоминающихся экскурсионных объектов было в городе Пржевальске, названном в честь выдающегося русского путешественника и учёного. Исходным пунктом последней экспедиции Пржевальского был выбран Каракол, небольшой городок на восточном берегу Иссык-Куля. Но болезнь, брюшной тиф, не позволила осуществить задуманное. Великий землепроходец, русский богатырь скончался в Караколе 1 ноября 1888 года. Спутники выполнили последнюю просьбу Николая Михайловича похоронить его «непрерменно на берегу Иссык-Куля, в походной экспедиционной форме... со скромной надписью «Путешественник Пржевальский». Менее чем через полгода город Каракол был переименован в Пржевальск, а 26 июня 1894 года был открыт памятник. Скала, сложенная из больших глыб Тянь-Шаньского гранита, увенчанная фигурой бронзового орла – символ ума и бесстрашия. В клюве орёл держит оливковую ветвь – эмблему мирных завоеваний науки. Величественный, строгий и красивый памятник Николаю Михайловичу Пржевальскому, достойный памяти великого путешественника.

Ещё один памятник, созданный на деньги, собранные по подписке, был открыт в Александровском саду в Санкт-Петербурге в 1892 году.

В 1957 году по решению Киргизского правительства был основан Мемориальный комплекс Пржевальского, включающий могилу, памятник и музей знаменитого ученого.

Памятник Пржевальскому

На фоне памятника любят фотографироваться туристы.

Я довольно быстро освоилась с профессией экскурсовода и уже в середине лета 73-го года работала с туристами из Самарканда. Они прилетели во Фрунзе (так до 1990 года назывался Бишкек) на три дня. Но у них не было обратного группового авиабилета. Хоть пешком домой возвращайся. Я полдня в агентстве Аэрофлота пыталась купить этот билет. Получилось! Узбекские туристы интересно провели время и благополучно вернулись домой. Сопровождал их студент пятого курса исторического факультета Самаркандского университета. Прощаясь в аэропорту, он настойчиво приглашал меня в Самарканд. Но это, увы, не от меня зависело.

Однако, в октябре наметилась такая поездка. И выяснилось, что руководство Самаркандского бюро путешествий просило, чтобы сопровождала группу именно я. И уже в начале октября 1973 года я полетела в Самарканд. Это была моя первая туристическая рабочая поездка. И одна из самых интересных.

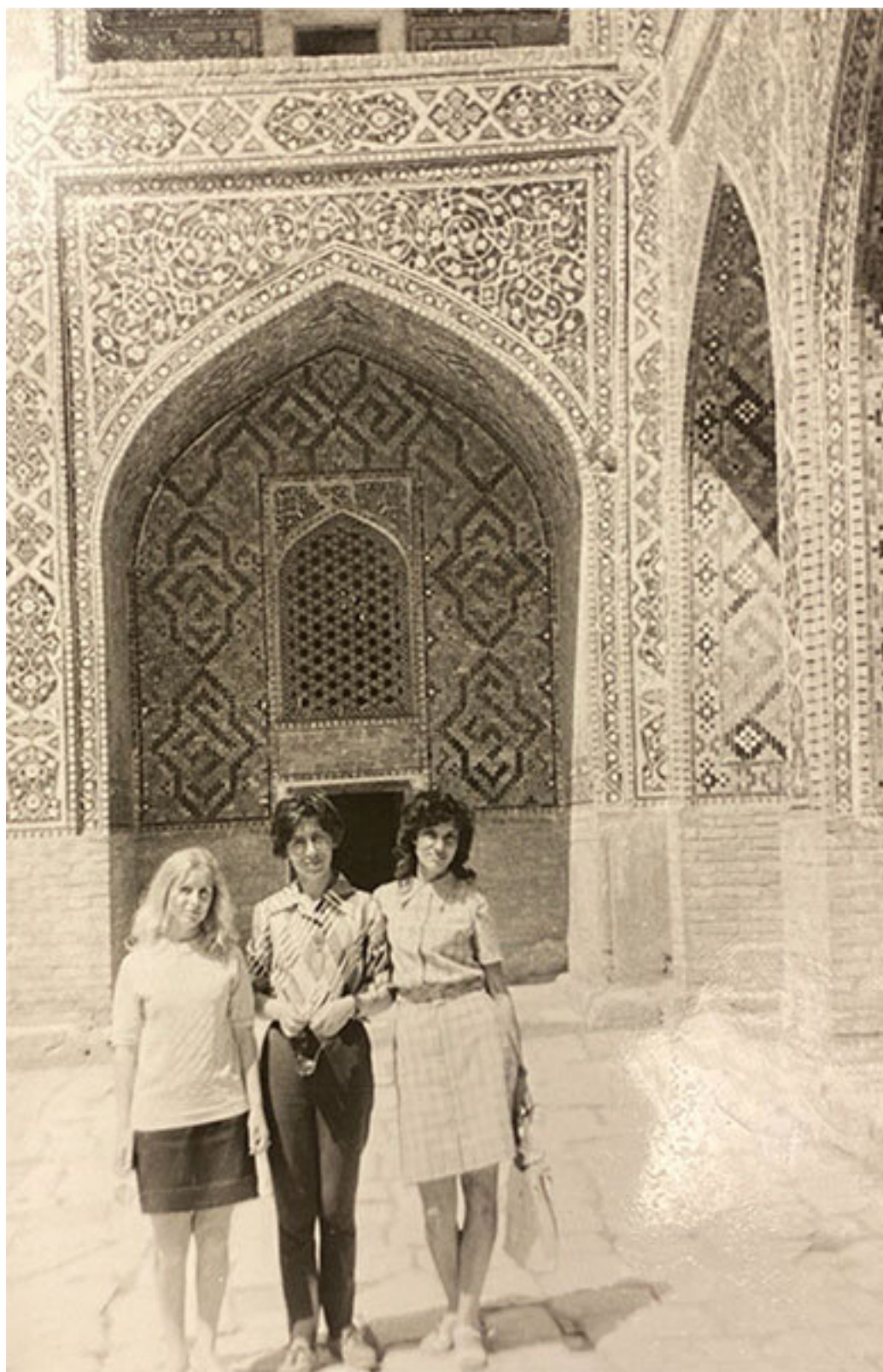
Самарканд – один из древнейших городов мира. «Возраст» его, с возникновения на холмах Афрасиаба, исчисляется более чем двумя тысячами пятьюстами лет. В письменных источниках под названием Мараканда он известен со времён походов Александра Македонского.

Наивысшего расцвета Самарканд достиг при правителе Тимуре, став столицей мировой империи, простиравшейся от реки Инд до Босфора.

При великом учёном-астрономе Улугбеке город приобрёл славу одного из выдающихся центров культуры и науки средневековья.

И вот я в Самарканде! Нас разместили в гостинице «Интурист», в историческом центре города. Экскурсия великолепна: подробный и впечатляющий рассказ экскурсовода о полуразрушенной мечете Биби Ханым, мавзолее тимуридов Гур-Эмир, ансамбле мавзолеев Шахи – Зинда, комплексе обсерватории Улугбека для изучения звёзд, площади Регистан с медресе Улугбек, Шердор и Тилля-Кари.

Мавзолей Гур-Эмир Тимур велел построить для праха любимого внука Мухаммеда Султана.

Мавзолей Гур Эмир

Возле площади Регистан

Позже в нём были погребены кроме Тимура, его сыновья и внук, великий астроном Улугбек.

Центр Самарканда это площадь Регистан.

Имя Тимура овеяно тайнами и легендами. Тем интереснее было попасть внутрь его усыпальницы. Мне удалось это только раз, в тот мой первый приезд. Сначала мы с нашим гидом

спустилась в подземную часть. Над захоронениями невысокие белые надгробия без надписей, просто и скромно. Наверху, внутри усыпальницы надгробия достойные усопших. Выделялось больших размеров нефритовое надгробие, рассечённое пополам. Согласно легенде завоеватели, покорившие Самарканд спустя годы после смерти Тимура, разграбили город, не пощадив даже мавзолеев. Но увезти такое большое надгробие из драгоценного нефрита не смогли. Решили распилить его пополам. Маги и звездочёты, сопровождавшие войско, просили завоевателя не трогать надгробие, не нарушать покой Тимура. Но опьянённые успехом победители не хотели слушать грозные предсказания. Войско, увозившее награбленное, двинулось в обратный путь. Начался падёж скота, внезапно падали кони, болели и умирали воины. И только тогда, когда от войска осталась всего горстка людей, надгробие вернули. Это легенда, но зелёное нефритовое надгробие действительно распилено пополам.

И ещё одна, связанная с именем Тимура, история. В 1941 году археологическая экспедиция Академии наук Узбекистана с участием известного антрополога Герасимова произвела изучение останков Тимура, его сыновей и внуков в усыпальнице тимуридов. Исследование учёные проводили в склепе под залом, где стояли мраморные и нефритовое надгробия. Узбекские аксакалы просили не тревожить прах Тимура, предупреждали о неизбежных бедах и несчастьях. Вскрыли саркофаги поздним вечером 20 июня 1941 года. А ранним утром 22 июня началась Великая Отечественная война...

Всё это показал нам и рассказал наш замечательный гид.

После экскурсии туристы разбрелись по городу самостоятельно. А меня наш гид повёл на древнее городище Афрасиаб, где проводились археологические раскопки. По пути мы зашли на базар, древний как сам город, и юноша купил два крупных и очень красивых граната. Один вручил мне, и я тут же начала его очищать и есть. Мы долго бродили, находили какие-то черепки, кости, даже монеты. Встретили студентов, сокурсников моего гида, познакомились. Они как-то странно, улыбаясь, на меня смотрели. Наконец, слегка уставшие, отправились в музей Афрасиаба забрать мой плащ. Гардеробщица тоже странно на меня посмотрела и улыбнулась. Я отправилась в туалет вымыть выпачканные в глине руки и в зеркале увидела себя. Всё лицо моё было испачкано в глине и гранатовом соке. Стало понятно, почему все, глядя на меня, улыбались.

После ужина я была приглашена на спектакль в русский драматический театр. А после спектакля мы отправились на площадь Регистан. Там было много туристов и в основном это были иностранцы из разных концов света. Я во все глаза смотрела на них, на их одежду, манеру поведения, свободные, раскованные движения и оживлённые разговоры. Было уже поздно и иностранцы стали расходиться. А меня мой гид просил не спешить. Незаметно взошла луна. И тогда гид предложил мне пройти поближе к медресе, а сам остался сидеть на скамье. На площади я была одна, а на небе полная, яркая огромная луна. И с трёх сторон три древних медресе. Было удивительное ощущение. Я чувствовала себя восточной принцессой. Ни души вокруг. Уходить не хотелось. Это тот случай, когда говорят: впечатление незабываемое! Я благодарна моему гиду за это чудо.

На площади Регистан солнечным днём

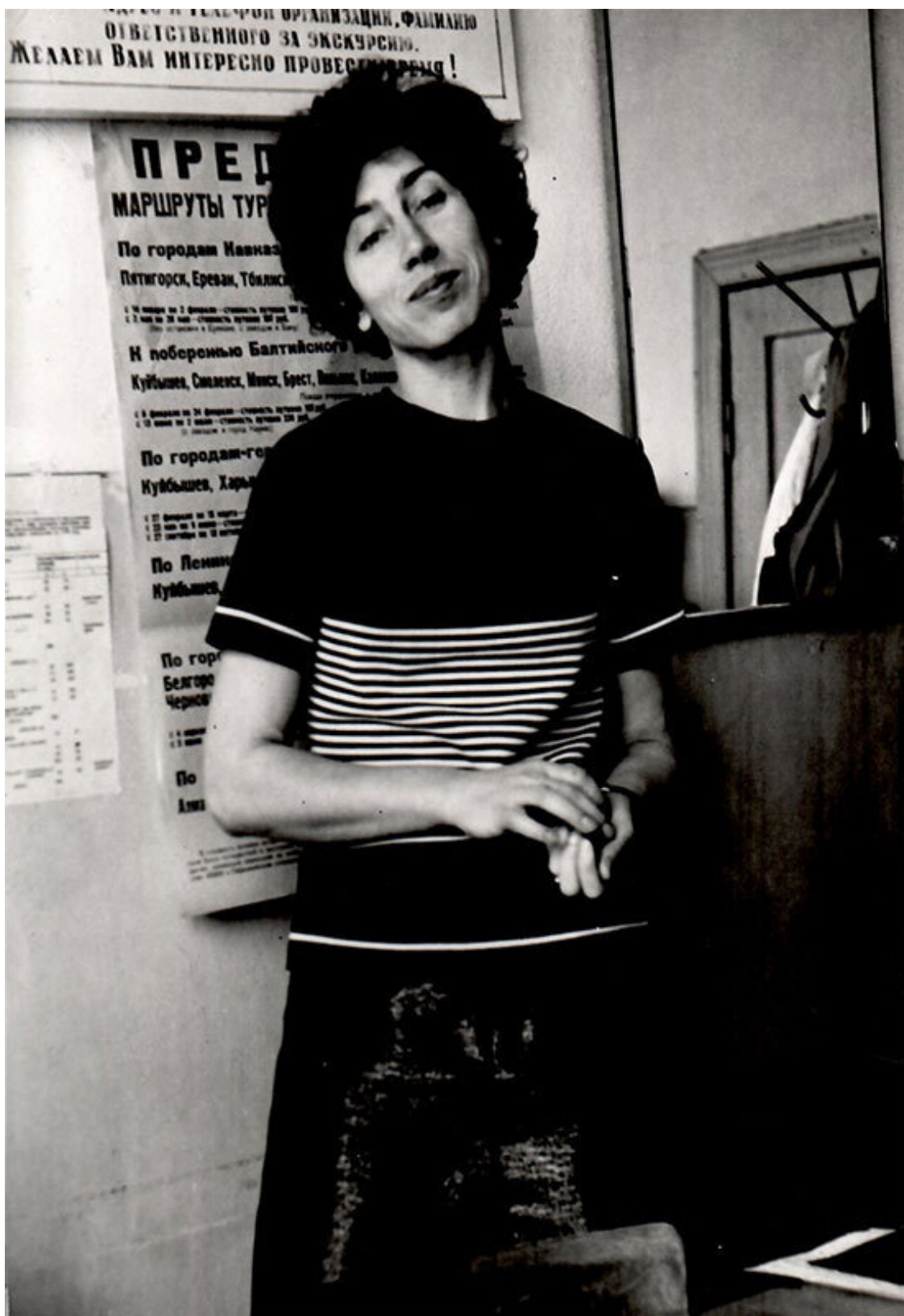
Каждую весну во Фрунзе проходил фестиваль «Весна Ала-Тоо». К нам съезжались известные эстрадные, оперные, драматические артисты. Этот фестиваль обычно был настоящим праздником и его ждали. В 1974 году фестиваль должен был проходить с 1 по 10 июня. У меня уже были билеты почти на все концерты. И тут мне сообщают, что 1 июня приезжает группа туристов из Ленинграда, и я должна с ней работать, то есть ехать на Иссык-Куль на 12 дней. Все мои доводы о невозможности ехать на Иссык-Куль начальник отдела обслуживания туристов отменяла, как несерьёзные. Ленинград для нас очень важный, стратегический партнёр. И обслуживать ленинградских туристов должна именно я. И 1 июня рано утром я встретила в аэропорту группу туристов и повезла их на Иссык-Куль. Сопровождала туристов интересная, необычная женщина. Когда мы познакомились поближе, я узнала, что родилась она в 1942 году в Освенциме и чудом выжила. Мать умерла, отца убили, выхаживала, воспитывала её сестра матери. Жили они после войны в Варшаве. В 16 лет Янина вышла замуж за советского офицера и поселилась в Ленинграде. Прощались во Фрунзенском аэропорту очень тепло. Она написала мне номера своих телефонов и взяла с меня обещание, что когда приеду в Ленинград, сразу ей позвоню.

Через несколько месяцев меня назначили старшим инструктором туристского поезда «Фрунзе».

Первая моя поездка была в ноябре 1974 года по Ленинским местам. В Ленинграде я сразу же позвонила Янине. Мы встретились у входа в Эрмитаж. Я завела всех туристов в музей, отправила их на экскурсию и сама хотела пойти. Но Янина сказала мне: «Ты уже была в Эрмитаже и ещё будешь. Мы пойдём туда и посмотрим то, что ты больше нигде не увидишь». И повела меня в Русский музей, где она работала экскурсоводом, на выставку картин Рериха и его сына. Это была первая их выставка в Советском Союзе. В зале уже никого не было, менее чем через час музей закрывался. Я переходила от картины к картине и ничего не чувствовала. Горы на всех почти картинах были чужие мне, всю жизнь прожившей в горной стране с вершинами семитысячниками. И почти в самые последние минуты что-то случилось, горы ожили. Мне захотелось показать их моим друзьям альпинистам. Случилось чудо и за это чудо я благодарна Янине. О Николае Константиновиче Рерихе я почти ничего не знала. По возвращении

во Фрунзе взяла томик о Рерихе из серии ЖЗЛ у своей подруги. Потом были другие книги, в том числе купленные мною, статьи в журналах, его выставки в Алма-Ате и во Фрунзе. Мне открылся удивительный мир великого художника, писателя, деятеля мировой культуры. И за это я тоже благодарна Янине.

Через некоторое время меня назначили директором поезда. Назначили вынужденно. Завтра выезжать, а директора нет. Турпоезд фирменный киргизский и логика руководства республиканского туризма была идеологически выверенной: директором должен быть киргиз, мужчина, член КПСС. А я молодая женщина, русская, беспартийная – одни минусы. Съездила удачно, понравилось и мне, и туристам. Но следующее назначение и утверждение было не простым.

У рекламы турпоезда

Первая моя поездка в качестве директора была по городам Украины и Закарпатья. Закарпатье – это западная Украина. Название «По городам Украины и Закарпатья» мне и тогда казалось странным, ведь Закарпатье тоже Украина! А сейчас оно кажется пророческим. Украина Западная и Украина Восточная...

У меня в поезде был курьёзный случай. Отъехали от вокзала Фрунзе, начала я обход поезда. Зашла в вагон-ресторан, а там сидят женщины в кружочек, картошку чистят. Я остановилась, поздоровалась, поговорила с теми, кого знала и пошла дальше. Слышу за спиной вопрос, кто это. И ответ – директор поезда. И тут женщина удивлённо: «А говорили высокая женщина?» Я обернулась со словами: «А разве я не высокая?» И тот же голос: «Да какая ж вы женщина, вы же ребёнок!» Я и в самом деле, наверное, мало походила на взрослую женщину в своей любимой мини юбке из лаковой японской кожи. В конце тура она подошла ко мне и сказала: «Да, вы точно не ребёнок!» А сотрудники бухгалтерии бюро путешествий говорили: «Люди приходят и спрашивают, кто директор поезда? Надежда Николаевна? Берём путёвки». Поэтому меня, несмотря на все мои «недостатки», высокие начальники утверждали директором поезда на очередной тур. Туристы по несколько раз проводили свои отпуска в туристском поезде. Становились если не друзьями, то добрыми знакомыми.

С Украиной связано много воспоминаний. Турбыл большой – 24 дня. Первым был город Белгород. Потом мы побывали в украинских городах Харьков, Львов, Черновцы, Ужгород, Мукачево, Рахов, Яремча, в молдавском Кишинёве, в украинских городах Одесса, Херсон, Севастополь. Последним был Волгоград. До этого я была только в Одессе, удивительном городе, о котором шутили: «Одесса – хотя и не первый город в Союзе, но далеко и не второй». Я с первого взгляда влюбилась в Одессу и на всю жизнь. Приморский бульвар, каштаны, белая акация, морской вокзал, Потёмкинская лестница, памятник Дюку, оперный театр, филармония и море, и чайки, музыка и приветливые, улыбчивые люди!

Города, как люди: одни открытые, доброжелательные. В такие города хочется приезжать, знакомиться и общаться с жителями, впитывать дух и атмосферу улиц, площадей, парков. Хочется возвращаться туда снова и снова. Такова Одесса. Есть города менее привлекательные. В них не получается искренних встреч и общений. В Одессе же все улыбались незнакомым людям! Такой позитивный, полный музыки и шуток город. Полное ощущение лёгкости и свободы!

В оперном театре Одессы

Морской вокзал в Одессе

Уже в Харькове все туристы как по команде начинали говорить по-украински. Все слова невероятно искажались, но певучая украинская мова звучала во всех вагонах. Вечером туристы пели украинские песни. И такое бывало во время всех путешествий по городам Украины.

Украину и всё, что с ней было связано, любили.

После обзорной экскурсии по Харькову туристы отправились в планетарий. Там был запланирован сеанс музыкальной живописи. Молодые учёные, придумавшие это, последователи композитора Скрябина, который первым использовал в исполнении музыки цвет и ввёл понятие «светомузыка». В небольшом зале зрителям предлагалось смотреть на экран и слушать музыку. На большом экране вспыхивали круги, полосы, пятна, стрелы, ещё какие-то разноцветные фигуры в тон музыке. Более высокие звуки соответствовали более ярким цветам, красным, оранжевым. Спокойные звуки – цветам зеленоватым, желтоватым, голубым. На экране в такт музыке появлялись всполохи, зигзаги, всплески словно струи фонтана. И всё это точно соответствовало высоте звука и яркости цвета. Каждому звуку, каждой ноте соответствовал определённый цвет. Особенно впечатлил «Танец с саблями» из балета «Гаяне» Хачатуряна. Слышался удар больших медных тарелок, и в этот миг на экране вспыхивал огненно – красный шар, как солнце, с рваными краями. Это, возможно, самое подходящее музыкальное произведение для такого рода исполнения. На это стоило посмотреть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.